

— Ничего страшного, сэр, пройдемте сюда, — проговорил Грипхук, внезапно перейдя на формальное обращение. Гарри удивленно посмотрел на него, пытаясь понять причину этой смены тона. Гоблин же, словно прочитав его мысли, кивнул в сторону окружающих их людей. Гарри, осознав, что они не одни, кивнул в ответ и с благодарностью улыбнулся. После чего послушно двинулся за гоблином. Вместо того, чтобы вести его в офис, как вчера, Грипхук направился в медицинский кабинет, скрытый в глубинах банка. Мало кто забирался так далеко, а те, кто все же оказывался здесь, обычно направлялись к чему-то неприятному, чтобы никогда больше не возвращаться. — Прежде всего, я хочу сделать вам сканирование, — начал Грипхук, — чтобы мы могли оценить все повреждения, которые вы получили за свою жизнь. После этого, в зависимости от результатов, вы можете пройти курс лечения, или же нам нужно будет подготовиться, прежде чем вы сможете получить соответствующее лечение. Гарри кивнул, словно в тумане. Остановившись перед дверью, за которой скрывался кабинет, он глубоко вздохнул, пытаясь успокоить нервы, и шагнул внутрь. После мрачной серости банка, царившей во всех остальных помещениях, он с удивлением обнаружил себя в белой, стерильной комнате, которая могла бы быть частью любой больницы. Нержавеющая сталь, белоснежные стены, блестящие инструменты — все говорило о том, что это место предназначено для исцеления. Вокруг низкой кровати стояли два гоблина, один из которых, очевидно, был помощником другого. — Мистер Поттер, будьте добры снять с себя всю одежду, кроме нижнего белья, и лечь на кровать, — произнес старший гоблин, его голос был твердым и не терпящим возражений. Гарри в который раз задумался, что же такое происходит, что все Целители становятся такими беспринципными людьми. Мадам Помфри была такой же. Он безропотно подчинился, слегка зашипев, когда холод кровати коснулся его обнаженной спины. — Сейчас я наложу несколько диагностических заклинаний, — продолжил гоблин, — чтобы мы могли полностью оценить вас и то, что необходимо сделать. Не двигайся, это только собьет результаты. Гарри лежал неподвижно и молчал, казалось, целую вечность, пока мудрый гоблин напевал на низком гортанном языке, а его руки совершали сложные движения. Молодому волшебнику становилось все более не по себе, поскольку его Целитель, казалось, все больше и больше злился, а на его лице появилось оскал. Поэтому неудивительно, что Гарри вздрогнул, когда гоблин резко повернулся и начал выкрикивать ругательства на том языке, на котором он говорил, а затем швырнул поднос с инструментами об одну из нетронутых стен. — В чем дело, мастер Целитель? — спросил Гарри, его голос был тихим и пропитанным нервным напряжением. — Что со мной не так? Ассистент уставился на своего начальника, ожидая объяснений. — Это варварство, — выкрикнул гоблин, — и они говорят, что мы животные! Как такое можно было сделать с кем-то, особенно с ребенком? Он продолжал разглагольствовать, пока не заметил, что его пациент с каждым предложением съедивается на кровати. Сменив тон на более спокойный, он обратился к Гарри: — С раннего возраста на вас и ваше магическое ядро было наложено несколько блоков. В одиночку они ограничили бы вас примерно на 15 % от общей силы, не говоря уже о полной блокировке некоторых способностей. Однако это еще не все. Шрам у вас на лбу — это не просто шрам, это часть души Волан-де-Морта, и она действует как пиявка на ваши силы. В то время как ваши силы уже упали до 15 %, эта пиявка заставила ваше ядро компенсировать это экспоненциальным ростом, чтобы подпитывать и вас, и пиявку. Мягко говоря, это усилило вас так, что теперь, даже с блоками, вы один из самых могущественных волшебников. Возможно, более могущественный, чем большинство взрослых, но с учетом того, что вам еще предстоит расти, вы никогда не приблизитесь к Волан-де-Морту или Дамблдору. Вполне возможно, что после снятия блоков вы станете самым могущественным волшебником со времен Мерлина, если не более могущественным. Однако очень трудно сказать, так ли это на самом деле. Кроме того, что ты связан по рукам и ногам, твой интеллект ослаблен, а эйдетическая память также подавлена. Видя растерянность Гарри, он пояснил: — Это значит, что если вы прочитаете или услышите что-то однажды, то запомните это. Также у вас есть таланты метаморфа, которые были заблокированы. Это способность менять свою внешность по желанию. Очень сложно определить, насколько вы талантливы в этом, без

экспериментов с вашей стороны. Некоторые метаморфы могут менять в себе все – от цвета и длины волос до роста и веса, а другие способны лишь на изменение цвета глаз. Тогда мы отведем вас в ритуальную комнату и снимем пиявку, а также все блоки на вас и ваши способности. Это сделает ваше ядро нестабильным на некоторое время, пока оно будет перенастраиваться на то, что ему доступно гораздо больше энергии. Поэтому вы не сможете применять магию в любой форме как минимум месяц. Гарри завороченно слушал и впервые ответил, пожав плечами:— Ничего страшного, я все равно не смогу использовать магию до возвращения в Хогвартс в сентябре. Но я смогу попрактиковаться в метаморфе? Целитель кивнул.— Я бы посоветовал вам это сделать. Контроля можно достичь только с помощью практики. Вы остановились где-нибудь, где можно заниматься этим в уединении?— Да. Люди, у которых я остановился, знают обо мне и магии, или, по крайней мере, знают сейчас, так что это не будет проблемой.— Хорошо, тогда, если вы готовы, мистер Поттер, мы можем перенести это в ритуальную комнату и начать. Как только ритуал будет завершен, я дам вам несколько зелий, которые исправят все повреждения от недоедания. Благодаря зельям и удалению пиявки ваше зрение также должно исправиться. Гарри не мог поверить, что все это происходит на самом деле, настолько, что он ущипнул себя, пока они шли к ритуальной комнате, а потом рассмеялся над собственной глупостью. Сама ритуальная комната представляла собой круглое помещение с каменным алтарем в центре, окруженным множеством кругов, исписанных различными рунами. Его направили к алтарю и велели лечь на него лицом вверх.— Мистер Поттер, это будет неприятный опыт для вас, — сказал Целитель, — я знаю, что вы не чужды боли, но, тем не менее, вам это не понравится. Гарри лишь скрипнул зубами.— Сначала мы удалим пиявку, потому что это самое сложное, а когда это будет сделано, будет легче исправить остальные проблемы. Целитель махнул рукой, и из тени появились еще шесть гоблинов, одетых в плащи. Они завели похожий на дирг песнопение, которое нарастало по громкости, а затем спадало в повторяющемся цикле. Когда песнопения достигли апогея, Гарри начал бесконтрольно корчиться на алтаре. По всем правилам он должен был упасть, но какая-то невидимая сила удерживала его на месте. Гарри казалось, что его разрывают на части. Невыносимая боль, подобная раскаленному огню, пронзала каждую клеточку его тела, не оставляя ни единого уголка для спасения. Он был пленником мучительных волн боли, и казалось, что страданиям нет конца. — Хуже быть не может, — прошептал он, но в ту же секунду молот обрушился на его знаменитый шрам, вызывая новый приступ боли. Гарри беззвучно кричал, но гоблины, не обращая внимания на его страдания, продолжали свои ритуальные песнопения, усиливая их темп. Он видел, как кожа вокруг шрама вздувается, из нее начинает сочиться черный туман. Туман собрался в шар чистого белого света, но не желал сдаваться без боя, словно инстинктивно понимая свою неизбежную гибель. Сначала он попытался вернуться к своему хозяину, но, не сумев, бросился к одному из гоблинов, цепляясь за любую возможность выжить. Медленно, но верно, туман втягивался в сферу, парящую над Гарри. Каждый усик, проникая в сферу, вызывал короткую вспышку света, сигнализируя о том, что он нейтрализован. Сфера становилась все ярче, с каждой поглощенной частью тумана. Когда последняя нить тумана растворилась в сфере, она засияла настолько ярко, что смотреть на нее было невыносимо. Гарри кричал, его горло пересохло, но он не мог остановиться. Остановка означала бы катастрофу. Вспышка света, ослепившая всех в комнате, сопровождалась мощной волной магии, которая опрокинула гоблинов. Шар исчез, освободив Гарри от его мучительного влияния. — Дайте мне передохнуть, — прошептал бы Гарри, если бы был в сознании, но сейчас он был безжизненным, погруженным в глубокий сон. Гоблины, сделав небольшую паузу, чтобы перевести дух, снова начали свои песнопения. На этот раз они звучали иначе, более ритмично, почти племенным образом. Гарри не двигался, не корчился от боли, он был абсолютно неподвижен, когда мягкий голубой свет окутал его, лаская и закручивая в спираль. Воздух наполнился треском необработанной магии, когда путы, державшие Гарри, ослабили свою хватку. Волосы Гарри резко изменили цвет, сначала став насыщенно-красными, затем фиолетовыми, удлинившись, а затем переливающимися

бирюзовым. Их цвет и длина менялись так быстро, что за ними было невозможно уследить. Шрамы на его худой фигуре извивались, как змеи, медленно вгрызаясь в тело, которое они украшали. Единственным незатронутым шрамом остался след от клыка василиска, пронзившего его руку в Тайной комнате. Тело Гарри стало удлиняться, возвращая себе рост, потерянный из-за недостатка пищи в детстве. Тонкий каркас стал жилистым, на нем появились намеки на мускулы. Ребра, скрытые под слоем мускулов и жира, больше не были видны. Внешне с глазами Гарри ничего не происходило, но внутри все изменилось. Голубой свет исправлял последствия детства, проведенного в темноте и с непрописанными очками, заставлявшими глаза напрягаться. Гоблины завершили свои песнопения, ритуалы исцелили Гарри, насколько это было возможно. Измученный мальчик все еще оставался без сознания, и так будет продолжаться еще несколько часов, прежде чем он проснется, готовый начать новую главу в своей жизни.

<http://tl.rulate.ru/book/109427/4078686>